

● ● ●
Чужого горя легче жёрнов,
Как ни прикидывай извне,
И ту шинель с плеча чужого,
С дырой, с кровящей на сукне,

Не примеряй — не будут впору
Ни та война, ни тот устав.
Вот маму с полпути на скорой —
Сегодняшний, реальный страх!

Да нет же, обойдётся, что мы,
И прежде знали пневмоний.
Вот дети вырастут без школы,
Без книг, в беспамятстве — одни!

И в день какого там парада —
Хоть самому себе не верь...
Наверно, Господи, так надо —
Проснуться в этот майский день.

Переосмыслишь то, чужое,
Пока щетинишься, как ёж:
Ну, это, с Днём Победы, что ли! —
И вспомнишь будто, и поймёшь.

● ● ●
Я ради красного слова
Спешил добраться до конца,
До той безлюдной станции.
А где тут выход? Нет как нет.
Нет ни газет, ни сигарет,
И бесполезны санкции.

Теперь назад спешу — туда,
Где день — какой? — ах да, среда,
Делюсь бесценным опытом.
Там тело скучное, как воск,
Там чей-то шёпотом вопрос:
«Ты слышишь, слышишь? Кто-то там!»

Тут я на нерве: «Слышь, кончай.
А как же жизнь? А как же чай?»
Блин, из огня да в полымя...
А тот, покорствуя судьбе,
Лежит и думает себе:
«Всё надо делать вовремя!»

● ● ●
Откопали мёртвого поэта:
Гикнулся от степа ли, от нэпа,
Или просто шлёпнулся с карниза, —
В общем, докатился ниже низа,

В общем, прицепился, как репей.
Интересно, как бы он теперь?

Как ему сегодняшние наши
Скифство, так сказать, да милость к падшим?
Не мудри, выкладывай навскидку —
И получишь скидку за отсидку,

Ладно, за отлёжку — всё равно.
Оказалось, всё давно дано.

Нужно лишь в тиши вперёд и с песней
Принимать заложенное в текст:
Ближнего любите, идиоты, —
Как лекарство, до последней ноты.

Только Он, наведавшись в бедлам,
Всех рассортирует по делам.

А поэта хоронили снова,
Зарывали бережно, как слово,
Позабывшись, клянчили, как дети:
Как ты там пред вечностью в ответе?

Жизнь такая, Бог тебя храни!
Остальное — глупости одни.

● ● ●
Отойди от меня — не дрогнут
Ни рука, ни слепая вера.
Я не спятил — я весь подобран,
Обращён до зубного нерва.

У меня заболела мама —
Я в аптеку, купить лекарства.
А сомнений во мне ни грана,
Только нервы: чуть тронь — искрятся.

Оплечь небо, в ногах дорога,
Да вода по спине как с гуся.
Сколько есть — мы одни у Бога.
Отойди, говорят, не суйся.

● ● ●
Говори, говори мне, золотце,
Как летят по дефолту деньги!
Печенег тебе не половцы,
Половцы — не печенег.

И сказал бы — не знали: знали же,
Не напрасно гуляли слухи.
Говорят «жалюзй» — не «жэлюзй»,
Как от стенки отскок от скуки.

Отчестив негодяев загодя,
Гогоча, омываем длани,
И журчит заговёр, как за́говор
Между ухарством и Уханем.

● ● ●
Цельсий жжёт, и в летней форме
В пункт онлайнной доставки
Я прошёл вон там, вдоль свалки,
Как у Бога по ладони.

Словно вынырнув из рая:
Ну а крайний кто — не вы ли? —
Мы ли — просто приуныли,
Сколько ждать ещё, не зная.

Но стоим вполне дистантно,
Просто шуримся от света —
Не апрель, а прямо лето!
А чего без маски сам-то? —

Вырос из комбинезона...
Не смешно, зато понятно:
Никакого нет порядка,
Хохот ширится до звона.

Едет «оставайтесьдома»,
Тянет скорбную тянучку.
Дверь уводит в одиночку —
Не привыкнет, неудобно.

● ● ●
Мне сказали: смени пластинку!
Я завис, подводя итог.
Куи боно и зигу с фигу
Выдаёт современный слог.

И зловещая тень ковида —
Не иначе как на века,
Словно кто-то врубил корриду
Для невидимого быка.

И смятенье то лезет сбоку,
То вперёд на лихом коне,
Ты прости, я соврал, ей-богу,
Ничего не сказали мне.

● ● ●
И понял человек про заговор вселенский,
И в сердце у него погиб Владимир Ленский,
Теперь из глубины сибирских руд
По громкой связи демоны ревут.

То мерит коридор — подобие хайвея,
То грезит что-то там из Брэдбери из Рэя,
А то вскричит: какой, к чертям, ремонт,
Когда не разберёшь, где тыл, где фронт?!

Присядет, постучит, как пианист по «клаве»:
На, выкуси, «фейсбук», мы тут, чай, не в Китае.
Скажи-ка, дядя, дело наше — дрянь?
А Швабрин, слышь, реально негодяй!

● ● ●
Крикливым, нервным стал Харон:
Вы у меня вот здесь, в печёнках!
От ваших грёбаных корон
Потонет утлая лодчонка!

Иль это боги, мстится мне,
Иль это подослал сам чёрт их?
Но сколько ж их, живых царей,
Когда припёрло столько мёртвых!

Иль каждый сам себе колпак —
Вознёсся, хряснулся о купол?
Со смертью можно разве так —
Не по-товарищески, грубо?..

Задетый за живое, дед
Табличку накорябал: «Клосед».
Вас, мол, ко мне — а смерти нет.
Бастует и не перевозит.

● ● ●
Как ни дели на «до» и «после»,
Трамбуй в памяти руинки,
Он всё-таки нагрянет в гости:
«Привет, я родич твой, Глубинкин!»

Толкнёт про детство охи-вздохи,
Про времени необратимость,
Разложит хлипкие вещдоки,
Чтоб атмосфера возродилась.

Всю душу вытянет из тела
В тот край безбожных aberrаций,
Чтоб тело больше не старело.
А тело станет препираться,

Таращась в пустоту, как юзер:
«Цыть, дура, я те пофеею!
Живи — и чтобы без иллюзий!
А клоун тот ошибсь дверью».